

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК 159.9.01

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-6-17

ИНТЕЛЛЕКТ В КОНТЕКСТЕ ПСИХИКИ И СОЗНАНИЯ: ДИАЛЕКТИКА ПЕРВОГО И ТРЕТЬЕГО ЛИЦА

Желнин А. И.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь,
Российская Федерация*

e-mail: zhelnin@psu.ru

Поступила в редакцию 12.05.2025

После доработки 30.05.2025

Принята к публикации 16.06.2025

Аннотация

Цель. Прицельный анализ сущности интеллекта в контексте его соотношения с такими центральными ментальными феноменами, как психика и сознание.

Процедура и методы. Ключевым методами стали системный и диалектический. Они позволяют отразить комплексный характер ментальной реальности человека. Диалектика вскрывает противоречивость и динамичность взаимопроникновения объективного и субъективного в интеллекте, подчёркивает его несовпадение с сознанием при их тесном сосуществовании.

Результаты. Интеллект не может быть сведён к нейтральному феномену третьего лица. Он оказывается интегральным образованием живой психики, объединяющей мышление и прочие процессы в направленности на постановку целей, преодоление проблем, принятие решений, освоение нового.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии сложной интеракции между интеллектом и сознанием в поле психического. Исследование утверждает субстанциальную первичность в интеллекте первого лица, его фундированность активностью Я.

Ключевые слова: интеллект, квалиа, первое лицо, психика, сознание, субъективность, третье лицо

Для цитирования:

Желнин А. И. Интеллект в контексте психики и сознания: диалектика первого и третьего лица // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 6–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-6-17>.

Original research article

INTELLIGENCE WITHIN THE CONTEXT OF MIND AND CONSCIOUSNESS: DIALECTICS OF THE FIRST AND THE THIRD PERSON

A. Zhelnin

Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

e-mail: zhelnin@psu.ru

Received by the editorial office 12.05.2025

Revised by the author 30.05.2025

Accepted for publication 16.06.2025

© СС ВУ Желнин А. И., 2025.

Abstract

Aim. A targeted analysis of the essence of intelligence in the context of its relation to such central mental phenomena as mind and consciousness.

Methodology. The key methods were the dialectical ones that helped to reflect the complex nature of human mental reality. Dialectics reveals the inconsistency and dynamism of the interpenetration of objective and subjective sides in the intelligence, emphasizes its discrepancy with consciousness in their close coexistence.

Results. Intelligence cannot be reduced to a neutral third-person phenomenon. It turns out to be an integral formation of a living psyche that unites thinking and other processes aimed at setting goals, overcoming problems, making decisions, and learning new.

Research implications. The research reveals complex interaction between intelligence and consciousness in the field of psychology. It asserts a substantial primacy of the first person in intelligence, its foundation in the activity of the self.

Keywords: consciousness, first person, intelligence, mind, subjectivity, third person, qualia

For citation:

Zhelinin, A. I. (2025). Intelligence Within the Context of Mind and Consciousness: Dialectics of the First and the Third Person. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 6–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-6-17>.

Введение

Понятие «интеллект» изначально возникло как латинский субститут понятия «разум». Длительная рационалистическая традиция, истоки которой могут быть усмотрены уже у Аристотеля и средневековых схоластов, придерживается его понимания как прежде всего способности к абстрактному мышлению в понятиях, рассуждению и выводу. Он понимался как само основание человеческого субъекта, также рационалистически истолкованного. Метафизическая инвариантность интеллекта диктуется в рационализме его статусом атрибута человеческой природы.

Для философии Нового времени проблематика, связанная с интеллектом, стала поистине центральной. В итоге процедуры радикального сомнения Р. Декарт приходит к констатации самоочевидной данности собственного разума, который ввиду своей приватности выкристаллизовывается в фигуре мыслящего Я: «Итак, я допускаю лишь то, что по необходимости истинно. А именно, я лишь мыслящая вещь, иначе говоря, я – ум (*mens*), дух (*animus*), интеллект, разум (*ratio*); всё это – термины, значение которых прежде мне было неизвестно» [1, с. 23]. Интеллект оказывается од-

ним из круга тех понятий, которые очерчивают различные аспекты *Ego cogito*.

Вместе с тем для Декарта под эгидой понятия *cogito* объединяются достаточно разнородные ментальные процессы (не только мышление, но и чувства, память, воображение): «А что это такое – вещь мыслящая? Это нечто сомневающееся, понимающее, утверждающее, отрицающее, желающее, не желающее, а также обладающее воображением и чувствами» [1, с. 24]. Меж тем субстанциальная первичность интеллекта в душевной жизни для него очевидна. Она связана с экстраполяцией мышления на все осознанные феномены душевной жизни, по сути, его отождествлением с сознанием. Представление Декарта о незамутнённой самоданности интеллекта привело, по оценке Д. Чалмерса, к тому, что он отождествил понятия ментального и феноменально переживаемого, ошибочно отрицая наличие каких бы то ни было бессознательных пластов в психике: «Его знаменитое учение о самопрозрачности ума приблизило его к отождествлению ментального и феноменального. Декарт считал, что всякое ментальное событие является *cogitatio*, то есть является собой содержание некоего опыта... И даже если Декарт

на деле не отождествлял психологическое с феноменальным, он по крайней мере допускал, что всё психологическое, достойное именоваться ментальным, имеет сознательный аспект. Для Декарта понятие бессознательного ментального состояния – это противоречие» [2, с. 30]. Такая позиция вызвана рационалистическим оптимизмом, чрезмерной верой в мощь разума как «естественного света» в осознании не только внешнего мира, но и самого себя.

Первые эксплицитные теории интеллекта начали возникать на рубеже XIX–XX вв., что было связано со становлением психологии как обособленной научной дисциплины. Если континентальные теории интеллекта (прежде всего операционалистская теория Ж. Пиаже) продолжали вдохновляться мировоззренческой проблематикой и философскими ориентирами, то американские теории стали подчеркнута позитивистскими. Такие психологи, как Р. Кэттел, Ч. Спирман, Л. Терстоун, Д. П. Гилфорд, Г. Ю. Айзенк, пытались эмпирически зафиксировать факторы, входящие в интеллект или влияющие на него, описав их в количественных терминах, разработав методы их измерения и квалитативного моделирования. Такой подход справедливо определяется как *психометрический*. Его коренным недостатком стало то, что исследования интеллекта оказались замкнуты на феноменологическом уровне эмпирических и статистических данных, остались дескриптивными конструктами с неоднозначными онтологическими коррелятами либо вообще без них. Психологи стали изучать не интеллект как особую реальность, а результаты тестирования и шкалирования, предвосхищая, что только в них интеллект может быть зафиксирован и изучен. Ввиду этого возник ещё более глубокий концептуальный разрыв между взглядами на интеллект со стороны позитивистской психологии и со стороны философии. К. Малабу артикулирует его следующим образом: «Хотя психологи утверждали, что понятие интеллекта связано с набором эмпирических данных, философы утверждали, что они до сих пор не смогли сказать, что

это было, или объяснить, что значит “быть интеллектуальным”. Это было как будто интеллект существовал без необходимости быть. В этом и заключалась двойственность. Ни один тест не будет когда-либо равен онтологическому доказательству» [3, р. 2]. Констатируем, что психометризм воплощает антиэссенциалистский взгляд на интеллект, т. е. его понимание как функции от прохождения соответствующих испытаний или удобного описательного конструкта при фактическом безразличии к его онтологическому статусу.

Вместе с тем без адекватного сущностного анализа объекта или явления невозможно успешное построение его конкретно-научных моделей. Парадоксально, что даже те, кто постулирует дескриптивный взгляд на интеллект, исподволь пытаются фиксировать его эссенциальные черты: «Мы должны осознавать, что интеллект – это описательный термин: он описывает определённые свойства людей или группы лиц. Описательные термины во многом произвольны, и поэтому маловероятно, что описательные определения сложных идей могут удовлетворить всех. Тем не менее, все определения интеллекта имеют общий знаменатель, связанный с новизной и адаптивностью» [4, р. 5]. Это неудивительно, т. к. за любым явлением (феноменом) стоит нечто действительное, некоторая реальность, сущность которой не сокрыта, а просвечивается через сам феномен. Именно философия во многом может восполнить дефицит в эссенциальном видении интеллекта.

Абрис сущности интеллекта

Однако здесь мы встречаемся со своеобразным порочным кругом: для понимания места интеллекта в человеке и его жизнедеятельности необходимо дать его определение, а последнее требует его соотнесения с иными близкими концептами (прежде всего мышлением, психикой, сознанием). Однако это соотношение, в свою очередь, возможно при уже имеющемся его понимании. Поэтому предварительно дадим абрисный набросок интеллекта, ко-

торый далее будет уточнён и конкретизирован при его сопоставлении с онтологически смежными явлениями. Заметим, что даже сейчас многие исследователи продолжают исходить из эксклюзивной привязки интеллекта к мышлению. Данный подход может быть маркирован как *когнитивизм*. Очевидно, что он подпитывается старым рационализмом. Однако в противовес ему имеет место и более широкий взгляд на интеллект, не отрицающий значения мышления, но не сводящий его только к последнему. Он был первоначально артикулирован Ж. Пиаже. Для него интеллект, вбирающий в себя помимо мышления также память, внимание, восприятие, навыки, оказывается поистине интегральным образованием. Вместе с тем он не растворяет их в себе, они сохраняют свою качественную гетерогенность, а он оказывается их *равнодействующей*: «Интеллект невозможно оторвать от других когнитивных процессов. Он, строго говоря, не является одной из структур, стоящих наряду с другими структурами. Интеллект – это определённая форма равновесия, к которой тяготеют все структуры, образующиеся на базе восприятия, навыка и элементарных сенсорномоторных механизмов ... Интеллект – это не более чем родовое имя, обозначающее высшие формы организации или равновесия когнитивных структурирований» [5, с. 10]. Признавая ведущую роль *cogito* в интеллекте, Пиаже по-антикартезиански утверждает неразделимость когнитивной и аффективной жизни. Это подтверждается современными исследованиями: так, активно исследуется феномен эмоционального интеллекта, который оказывается не тождественен эмоциям самим по себе, их простому переживанию, а связан с их рефлексией и пониманием, умением управлять ими у себя и других: «Эмоциональный интеллект – это способность распознавать эмоции в других, использовать эмоций для поддержки мышления и действий, понимание эмоций и регулирование эмоций» [4, р. 11]. По-своему концептуальное расширение интеллекта наблюдается и в американской традиции, что связано

со становлением теории множественного интеллекта Г. Гарднера. Он связывает когнитивизм с тем, что активно изучались только логический и вербальный типы интеллекта, остальные же оставались в забвении: «Большая часть литературы по вопросам интеллекта изучает комбинацию лингвистического и логического интеллектов... Но досконально изучить человека можно, лишь изучив также пространственный, телесно-кинестетический, музыкальный, внутри- и межличностный интеллект» [6, р. XII]. В контексте факта наличия различных его модусов мышление оказывается только *primus inter pares* («первым среди равных»). Оно само не существует обособленно, оказывается сплетённым с прочими процессами, задействованными в интеллектуальной деятельности.

В итоге интеллект предстаёт комплексным гетерогенным образованием. Он скреплён прежде всего общей направленностью, связанной с пониманием и преодолением проблемных ситуаций, процессами выбора и принятия решений, освоением и эффективным применением новых знаний и навыков: «Интеллектуальная способность человека должна предполагать наличие определённых умений по решению проблем, благодаря которым человек может устранить проблемы или трудности, с которыми он столкнулся, и, когда это возможно, выработать эффективный продукт. Кроме того, такой набор навыков должен обладать потенциалом формулировать проблемы, тем самым закладывая основы для приобретения новых знаний» [6, р. 64–65]. Пиаже в каком-то смысле справедливо видел его интенцию на адаптацию как поддержание гибкого равновесия между субъектом и объектом (многоплановой средой), вместе с тем чрезмерно придавая адаптации биологический смысл. Однако в случае человека интеллект связан прежде всего с социальным измерением его жизнедеятельности, воплощающимся в созидательной деятельности, общении и взаимодействии с другими людьми, познанием и освоением реальности.

Интеллект и психика

Обрисовав контур интеллекта, мы можем перейти к проблеме его взаимоотношения с родственными феноменами. Для этого нужно в определённом смысле вернуться к артикулированному Декартом вопросу о месте интеллекта в живом человеческом Я, вместе с тем критически подойдя к рационалистической установке. Констатируем, что, говоря об интеллекте, мы прежде всего имеем в виду особый *ментальный феномен*. Поэтому для его более глубокого отражения нужно соотнести его с иными ментальными концептами, прежде всего с *психикой* и *сознанием*. Психика де-факто есть наиболее обширный термин, описывающий субъективную реальность. Широту психики доказывает признанное существование её животных форм (биопсихика). Что касается человеческой психики, то она внутренне разнообразна и гетерогенна. В частности, в ней имеются широкие пласты неосознаваемых явлений, состояний и процессов: «Категория психического, помимо явлений сознания, охватывает многие другие объекты психологического исследования, в том числе и бессознательно-психические явления. Последние описываются обычно весьма нечётко. К ним относятся крайне разнообразные явления – как содержательно-определённые состояния и структуры интеллектуальной деятельности, так и психические регуляторные механизмы, явно не осознаваемые» [7, с. 58]. Таким образом, психика по отношению к интеллекту – гораздо большее по объёму и достаточно нечёткое по содержанию родовое понятие, которое можно усреднённо определить как способность живых существ с высокоорганизованной нервной системой (в том числе человека) активно отражать реальность, а также взаимодействовать с ней.

Психика как активная формация не интернализирована внутри, она по необходимости обнаруживается вовне, воплощается в поведении и его регуляции. Пиаже отмечал на этот счёт, что «воздействие вещей на психику всегда завершается не

пассивным подчинением, а представляет собой ... модификацию действия, направленного на эти вещи» [5, с. 12]. Психика, будучи субъективной, находит объективное воплощение. Д. Деннет, находясь под сильным влиянием дарвинизма и бихевиоризма, связывает становление разных «видов психики» с усложнением поведенческого взаимодействия организмов со средой, постепенным становлением ядерного для неё феномена интенциональности [8]. В свою очередь, Д. Чалмерс в принципе резервирует психическое для обозначения внешних манифестаций душевного измерения в противовес самому феноменально переживаемому, качественному опыту: «В первом приближении можно сказать, что феноменальные понятия имеют дело с теми аспектами ментального, которые связаны с перспективой от первого лица, тогда как психологические понятия соотнесены с аспектами, связанными с перспективой от третьего лица ... Если нас интересует роль ментального в продуцировании поведения, мы сфокусируемся на психологических свойствах» [2, с. 34].

Тенденция видеть в психике феномен третьего лица связана и с тем, что она своими корнями уходит вглубь физиологического измерения нервной активности, т. к. по большей части между ними не может быть проведена чёткая онтологическая демаркация. В соответствии с современными представлениями, преодолевшими господствующую долгое время рефлкторную теорию, психика имеет системную информационную природу и комплексную архитектуру, обладая внутренней активностью. Психика человека качественно отличается от психики животных тем, что в ней первостепенную значимость приобретает элемент, связанный с общественной жизнью. Он становится ведущим и способен значительно корректировать или ограничивать биологическую мотивацию. Именно социальная компонента интегрирует человеческую психику в единое целое и придаёт ей направленный характер. Социальное измерение психики человека подчёркивается в таких те-

ориях, как культурно-историческая психология (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия), деятельностный подход в психологии (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев), теория функциональных систем (П. К. Анохин, К. В. Судаков), теория человеческого субъекта А. В. Брушлинского и т. д. Последний, критикуя жёсткое дизъюнктивное противопоставление коллективного и индивидуального, отмечает внутреннюю социальность психики человека и её сплетённость с практической деятельностью: «Мыслительная, вообще познавательная деятельность неразрывно связана с изначально практической. В принципе – это единая деятельность... В самом широком смысле социальность – это всегда неразрывные взаимосвязи (производственные, чисто духовные) между людьми во всех видах активности... любой человеческий индивид и его психика изначально и всегда социальны» [9, с. 27, 31]. Социальность человеческой психики по-своему демонстрирует, что она не замкнута в ментальном измерении как в некоем «коконе»; она манифестируется в многомерной деятельности человека, его опосредованной языком и культурой и такой же многомерной интеракции с другими людьми и сообщениями.

В свете изложенного интеллект во многом предстаёт как вершина развития психического аппарата. Однако эволюционно между ним и более простыми формами психического, а также даже физиологическими гомеостатическими контурами есть опосредованное генеалогическое родство. А. Дамасио указывает на то, что у человека остаются инстинктивные и автоматические регуляторные механизмы, но появляется сложный когнитивный аппарат, который многократно увеличивает социокультурный потенциал человека, в том числе в плане контроля и корректирования их паттернов: «Человек всё ещё активно пользуется автоматическим контролем и получает от него значительную пользу ... Однако у человека и у множества других видов, обладающих сложной нервной системой, есть дополнительный механизм,

в котором задействованы ментальные состояния ... Тот автоматический гомеостаз, который мы находим у бактерий, простых животных и растений, предшествует развитию разума ... Подобные новшества дали разуму способность сознательного вмешательства в предзаданные гомеостатические механизмы, а затем даже позволили творческим и интеллектуальным инновациям распространить гомеостаз в социокультурную сферу» [10, с. 64–65]. Вместе с тем интеллект глубоко качественно отличен от инстинкта – он завершает тенденцию психики к высвобождению из-под диктата конкретных условий внешнего окружения: «Именно интеллект с его логическими операциями, обеспечивающими устойчивое и вместе с тем подвижное равновесие между универсумом и мышлением, продолжает и завершает совокупность адаптивных процессов ... лишь один интеллект, способный на все отклонения и все возвраты в действии и мышлении, лишь он один тяготеет к тотальному равновесию, стремясь к тому, чтобы ассимилировать всю совокупность действительности и чтобы аккомодировать к ней действие, которое он освобождает от рабского подчинения изначальному “здесь” и “теперь”» [5, с. 12–13]. Повторимся, не следует упускать из виду, что рост потенциала гибкости и пластичности психики человека протекает сообразно усложнению среды и самой его сущности, в которых последовательно начинает преобладать социальная доминанта.

Интеллект и сознание

Вместе с тем предложенная картина пока не полна: специфика интеллекта связана с тем, что его активность в подавляющем большинстве случаев сопровождается сознательным опытом. Генеалогически сознание и разум были очень тесно связаны, если не отождествлялись. Сознание, в свою очередь, также понимается как вершина развития психического, многократно расширяющая его познавательные и регуляторные возможности: «Почему наши тела, уже обладая собственной пси-

хикой, решили приобрести вдобавок к ней наше сознание? Разве одной психики для тела недостаточно? Не всегда... старая “телесная” психика на протяжении миллиардов лет выполняла тяжёлую работу по жизнеобеспечению тела, но она действует относительно медленно и обладает довольно грубой способностью различения. Её интенциональность имеет малый радиус действия. Она легко попадает на обман. Для более сложных контактов с миром требуется более быстрая и дальновидная психика» [8, с. 86–87]. Вместе с тем подчёркивается сложность вписывания сознания в природный порядок ввиду его нередуцируемости к каким бы то ни было физическим или биологическим конструктам [11].

Сознание оказывается уникальным способом данности опыта, связанного с отчётливым восприятием себя как обособленной самости и переживанием «от первого лица»: «Мы верим в сознание исключительно на основании нашего собственного опыта сознания. Даже если бы физическая сторона универсума была известна нам во всех деталях, ... эта информация не привела бы нас к допущению существования сознательного опыта. Моё знание о сознании первым делом идёт от меня самого, а не от какого-то внешнего наблюдения. Проблема навязана мне моим опытом сознания от первого лица» [2 с. 135]. В отношении сознания может быть констатирована его принципиальная необъективируемость. Даже когда мы пытаемся представлять или рассуждать о сознательном опыте других, мы не переходим к установке третьего лица: «Когда мы изучаем его или её, то мы изучаем меня, который есть он или она» [12, с. 40]. Таким образом, сознание никогда не может быть сведено к внешним поведенческим диспозициям. Тем более, оно не может быть воспроизведено вне и без человека. А. В. Смирнов связывает это с принципиально неалгоритмической природой смысловой реальности сознания: «Сознание и есть способность осмыслить, а способность осмыслить – и есть сознание ... смысл имеет неалгоритмическую природу ... если гово-

рить, что сознание – это “машина смысла” (или “мыслящая машина” и т. п.), что вся деятельность сознания – это вычисление, то это будет плохой метафорой, поскольку вычисления совершаются по алгоритмам, а смысл и осмысленность не таковы» [13, с. 7–8].

Отрыв интеллекта от сознания и его редукция к феномену третьего лица

Несмотря на то, что активность интеллекта протекает через включение сознания, эти явления в настоящее время имеют тенденцию к различению, а иногда и противопоставлению. Ф. И. Гиренок констатирует, что, несмотря на то что «интеллект человека упакован в сознание», «в человеческой реальности всегда можно найти алгоритмическую часть и неалгоритмическую. Первая является интеллектуальной, сопряжённой со знанием. Вторая – сознательной» [14, с. 23, 26–27]. Их контрарность обусловлена всё большей ассоциацией интеллекта с «третьим лицом», т. е. безличностным и вполне объективируемым «механизмом». На наш взгляд, это тренд во многом инспирирован рационалистической, и в частности логоцентрической традицией. Именно сращение интеллекта с логикой привело к его оценке как нейтрального по отношению к сознанию феномена и одновременно заложило концептуальный фундамент его логико-вычислительного воплощения [15]. Логика генеалогически строилась как система принудительных правил и форм, которые никак не зависят от субъективности. Концептуально это нашло своё высшее выражение в движении антипсихологизма в логике. Г. Фреге писал, что «задача логики состоит в постоянной борьбе с психологическим обрамлением мысли» [16, с. 291]. В современную же эпоху нейтральность интеллекта достигла своего крещендо в концепте искусственного интеллекта (ИИ). Само название феномена раскрывает амбициозный план по машинной реализации интеллектуальных процессов: «Исследования в области искусственного

интеллекта (или ИИ) в значительной своей части были нацелены на воспроизведение ментального в вычислительных машинах» [2, с. 389]. Однако данная идея не могла бы возникнуть без установки, что интеллект может быть отделён от сознания и технологически объективирован. В свою очередь, современные направления ИИ до сих пор плотно взаимодействуют логический аппарат, объективирующийся в программах и алгоритмах.

Вместе с тем разрыв между сознанием и интеллектом неадекватен даже в случае некорректного отождествления интеллекта с мышлением. Д. И. Дубровский справедливо указывает на то, что логическая форма, несмотря на то что она фиксирует объективную закономерность последнего, в итоге бытийствует внутри сознания: «Всякая логическая форма есть форма мышления, форма познавательной деятельности и её продукт. Из-за того, что отображённое и зафиксированное в ней свойство (отношение, закономерность) существует объективно реально, вовсе не вытекает, что и сама логическая форма существует вне и независимо от сознания» [7, с. 63]. Объективность означает, что логические формы и процессы, развёртываясь в мыслящем сознании, не должны зависеть от его субъективных состояний. Однако модальное понятие «должен» говорит о том, что это только желательно. В реальности мышление человека не строго нормативно: оно вполне может нарушать логические законы и правила, быть подвержено многочисленным ошибкам и искажениям, полагаясь на многочисленные эвристики, которые чаще всего не имеют рационального основания и по большей части интуитивны. Нормативное логическое рассуждение проигрывает гибкости и нелинейности реальной интеллектуальной деятельности, пусть они приводят в том числе к неточности и подчас ошибочности: «Правда человеческой жизни состоит в том, что для выживания и коммуникации погоня за точностью, как и скрупулёзное следование законам логики, не является абсолютным приоритетом» [17, с. 94]. Есть все основа-

ния полагать, что неточность и нечёткость являются позитивными свойствами психики человека, выражением её природной и социокультурной адаптивной гибкости.

Логика действительно обнаружила свой потенциал к вынесению за пределы мыслящего субъекта, а именно в рамках функционирования особых вычислительных машин и их систем. Д. И. Дубровский обозначает такой модус бытия логики как отчуждённый: логическая форма «может существовать в отчуждённом от человеческой психики виде, т. е. в виде системы графических знаков, в программе ЭВМ, в конструкции технического устройства ..., в осуществляемых ЭВМ логических процессах нет идеального, хотя они строго воспроизводят некоторые логические операции человеческого мышления» [7, с. 64, 67]. Однако логика – это не само мышление. Она есть абстрактная схема, которая, как и всякая прочая, обладает элементами упрощения и искусственности и поэтому глубоко не тождественна оригиналу. Ж. Пиаже подчёркивает, что не мышление человека являются «зеркалом» некоей изначальной логики как своего прототипа, а, напротив, сама логика «является не чем иным, как идеальной “моделью” мышления» [5, с. 35]. Поэтому, несмотря на успешную объективацию логических операций в современных вычислительных устройствах, нельзя полагать, что вместе с ними «выносятся» и само мышление. Интеллект, в свою очередь, не сводим к одному мышлению и поэтому имеет ещё более опосредованное отношение к логическому измерению. Повторимся, он не может быть оторван от других ментальных процессов (восприятие, память, внимание, эмоции), которые имеют подчас гораздо большую качественную нагруженность, чем когнитивная активность.

Реабилитация интеллекта как феномена первого лица

Таким образом, сознание и интеллект не тождественны друг другу, но они взаимосвязаны и вместе сосуществуют в кон-

тинууме субъективной реальности. В итоге сознание в случае человека – это более интегральная ментальная категория, чем интеллект. Она обозначает все феномены и состояния, которые так или иначе феноменально переживаются субъектом и о которых он способен дать отчёт (как минимум самоотчёт). Интеллект тоже по своему интегрален, но он специфически обобщает ментальные явления и процессы, которые так или иначе заточены под освоение нового, постановку и преодоление проблем, принятие решений, формулирование плана действий. Обобщая, он плотно связан со способностью целеполагания. Цель же как идеальный образ желаемого будущего всегда так или иначе осознаётся. Мышление как главный драйвер реализации интеллектом указанных функций также чаще всего сознательно и интенционально. Конечно, имеют место бессознательные психические процессы, в том числе существует и особое когнитивное бессознательное, которое понимается как «ментальные структуры, процессы и состояния, которые могут влиять на опыт, мысль и действия за пределами феноменального внимания и волевого контроля», и которое, несмотря на свою имплицитность, «может вносить значимый вклад в интеллектуальное поведение» [18, р. 443]. Однако в конечном счёте оно занимает периферийное место в поле действия интеллекта, диалектически дополняя и обогащая центральный сознательный компонент.

Интеллект тем самым выступает частью, стороной человеческого сознания, одним из наиболее сложных и комплексных его проявлений, и может получить свою полную дефиницию только в данном ракурсе: «Так или иначе, но все другие ментальные понятия – вроде интенциональности, субъективности, ментальной каузальности, интеллекта и т. д. – могут быть в полной мере поняты как ментальные лишь по отношению к сознанию» [12, с. 94]. В условиях мощного прогресса систем ИИ необходим новый фокус взгляда на интеллект как на элемент живого сознания. Л. Нагль указывает на то, что именно последнее

оказывается основным препятствием для его технологической объективации: «Алгоритмы не изобретают сами себя, сами себя не запускают и не ставят перед собой цели, являющиеся результатом рефлексии. Проще говоря, имитируемый алгоритмами “интеллект” направлен на другого, “гетерономен”. Он не является продуктом “я”, имеющего независимую волю. Так называемая “автономия” ИИ – не что иное, как автоматизм выполнения задач на основе полученных данных» [19, с. 70]. Вслед за логикой ИИ остаётся приблизительной, а в чём-то грубой и нерелевантной моделью незначительного фрагмента реального человеческого когито.

Признание континуальной и вместе с тем диалектической взаимосвязи сознания и интеллекта способствует реабилитации последнего в качестве антропологического феномена, эссенциально фундированного опытом целостного «Я». Интеллект в целом выступает как удачный кандидат для синтеза установок первого (феноменологическая программа и методы субъективной данности и описания) и третьего лица (натуралистическая программа и объективные, например нейрофизиологические, методы изучения) в его исследовании, но при признании первого в качестве ведущего ввиду фактической погружённости интеллекта в сознание: «Следует объединить критерии научной объективности (перспективы от третьего лица) и способы описания феноменально проживаемого опыта со стороны приватной субъективности (перспективы от первого лица). Вся наука о сознании в принципе должна опираться на данные от первого лица, т. к. сама природа сознания состоит в том, чтобы быть приватной... Как следствие, и нейрофизиологии, и феноменологии необходимо совместить усилия по сохранению перспективы от первого лица» [20, с. 84].

Укажем на один из многообещающих ориентиров в деле ре-антропологизации интеллекта, а именно на сцепленность интеллекта с чувственно-эмоциональным подполем сознания, которое часто приводится в качестве максимума в шкале субъектив-

ности и качественности. В этом контексте вновь актуален Пиаже, писавший, что «аффективная и когнитивная жизнь являются неразделимыми, оставаясь в то же самое время различными» [5, с. 9]. К важности эмоций приходят и более современные теории сознания, подчёркивающие генеалогическую связь этих двух сторон психики. Так, А. Дамасио видит их общий знаменатель в социальности, которая одновременно фундируется и рационально, и эмоционально: «Мощная социальность, ставшая основой интеллекта Homo Sapiens и сыгравшая такую важную роль в появлении культуры, зародилась, по-видимому, из механизмов влечений, мотиваций и эмоций, развившихся из более простых нервных процессов более примитивных существ» [10, с. 136]. В его теории самости эмоции воплощают её нижний ярус (протосамость), наиболее приближенный к непосредственному переживанию своей погружённости в реальность. Ввиду этого эмоции оказываются ценным источником, сигнализирующим интеллекту о личностной значимости как объектов, так и мыслей, позволяя ему ориентироваться и концентрироваться в условиях эмпирического многообразия: «Чувства могут быть в нашем разуме более или менее заметными. Разум, занятый разнообразными видами анализа, воображения, нарратива и решений, уделяет больше или меньше внимания данному объекту в зависимости от того, насколько он важен в данный момент» [10, с. 131]. В конечном счёте эмоции являются важным (но не единственным) медиумом между интеллектом и сознанием, а также подчёркивают их общую погружённость в телесное измерение и постоянное интерактивное сообщение с многоплановым средовым окружением.

Заключение

Современные расширительные трактовки интеллекта, в общем и целом, мо-

гут найти компромисс с традиционным взглядом на то, что ведущим в интеллекте является мыслительный компонент. Само мышление начинает пониматься шире, оно уже не привязано исключительно к построению корректных рассуждений и умозаключений, так что о логоцентризме говорить не приходится. Логика, конечно, сохраняет важное значение в понимании процессов организации человеческого рассуждения, оставаясь важным арбитром истинности. Однако она де-факто есть формальная модель и поэтому безразлична к реальному мышлению. Интеллект – это подвижная структура, которая по своей природе не может быть полностью подчинена своду неких нормативных правил. Интеллект не ограничивается мышлением, однако последнее остаётся его «гравитационным центром»; в то же время оно само понимается как живой, гибкий и нелинейный процесс, не происходящий «в вакууме», но находящийся в многомерной системе реципрокных связей с иными психическими явлениями и процессами.

Сознание, в свою очередь, есть более интегральное образование, фиксирующее субъективный способ данности. Интеллектуальная активность человека протекает в большинстве своём в сознательном регистре, так что интеллект и сознание сосуществуют в диалектическом сопряжении: ни одно из них не унифицирует другое, но каждое из них предполагает другое. В итоге традиционная дихотомия первого лица сознания и третьего лица не релевантна для отражения их сложной диалектики. Интеллект может иметь некоторую объективную репрезентацию, но она всегда будет оставаться инсубстанциальной моделью реальной интеллектуальной деятельности, которая по своей сути глубоко личностна. Поэтому подлинный живой интеллект в итоге также оказывается феноменом именно первого лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. 633 с.
2. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М.: URSS, 2019. 512 с.

3. Malabou C. *Morphing Intelligence: From IQ Measurement to Artificial Brains*. New York: Columbia University Press, 2019. 198 p.
4. Pfeifer R., Scheier C. *Understanding Intelligence*. Cambridge: MIT Press, 2001. 700 p.
5. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2004. 192 с.
6. Gardner H. *Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences*. New York: Basic Books, 2011. 464 p.
7. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368 с.
8. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. 184 с.
9. Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетей, 2003. 272 с.
10. Дамасио А. Странный порядок вещей. Жизнь, чувства и рождение культур. М.: АСТ CORPUS, 2024. 320 с.
11. Гаспарян Д. Э. The First-Person Perspective Description Error in Naturalism // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. № 3. С. 403–415. DOI: 10.21638/spbu17.2021.303.
12. Сёрль Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
13. Смирнов А. В. Смысл и вариативность разума // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 2. С. 5–17. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-2-5-17.
14. Гиренок Ф. И. Почему сознание – это не интеллект? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2023. Т. 47. № 2. С. 19–32. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2023-2-19-32.
15. Желнин А. И. Объективное воплощение логики: от вычислительных машин к жизни и интеллекту? // Философская мысль. 2024. № 2. С. 34–48. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.2.69896.
16. Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: ЛИБРОКОМ, 2020. 512 с.
17. Михайлов И. Ф. Человек, сознание, сети. М.: Институт философии РАН, 2015. 200 с.
18. Kaufman S. B. *Intelligence and the Cognitive Unconscious* // *The Cambridge Handbook of Intelligence* / ed. R. S. Sternberg, S. B. Kaufman. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 442–467.
19. Нагль Л. Цифровые технологии: размышления о различии между инструментальной рациональностью и практическим разумом // Кантовский сборник. 2022. Т. 41. № 1. С. 60–88. DOI: 10.5922/0207-6918-2022-1-3.
20. Гаспарян Д. Э. Феноменология без трансцендентального субъекта: нейрофеноменология и энативизм в поисках перспективы от первого лица // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 1. С. 80–96. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-1-80-96.

REFERENCES

1. Descartes, R. (1994). *Works*. Vol. 2. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
2. Chalmers, D. (2019). *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Moscow: URSS publ. (in Russ.).
3. Malabou, C. (2019). *Morphing Intelligence: From IQ Measurement to Artificial Brains*. New York: Columbia University Press.
4. Pfeifer, R. & Scheier, C. (2001). *Understanding Intelligence*. Cambridge: MIT Press.
5. Piaget, J. (2004). *Psychology of Intelligence*. St. Petersburg: Piter publ. (in Russ.).
6. Gardner, H. (2011). *Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences*. New York: Basic Books publ.
7. Dubrovsky, D. I. (2002). *The Problem of the Ideal. Subjective Reality*. Moscow: Kanon+ publ. (in Russ.).
8. Dennett, D. (2004). *Kinds of Minds Toward an Understanding of Consciousness*. Moscow: Idea-Press publ. (in Russ.).
9. Brushlinsky, A. V. (2003). *Subject Psychology*. St. Petersburg: Aletheia publ. (in Russ.).
10. Damasio, A. (2024). *The Strange Order of Things: Life, Feeling, and the Making of Cultures*. Moscow: AST CORPUS publ. (in Russ.).
11. Gasparyan, D. E. (2021). The First-Person Perspective Description Error in Naturalism. In: *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 37 (3), 403–415. DOI: 10.21638/spbu17.2021.303.
12. Searle, J. (2002). *Rediscovering Consciousness*. Moscow: Idea-Press publ.
13. Smirnov, A. V. (2023). Meaning and Variability of Reason. In: *Philosophical Journal*, 16 (2), 5–17. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-2-5-17.
14. Girenok, F. I. (2023). Why Isn't Consciousness Intelligence? In: *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 47 (2), 19–32. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2023-2-19-32 (in Russ.).
15. Zhelnin, A. I. (2024). Objective Embodiment of Logic: From Computing Machines to Life and

- Intelligence? In: *Philosophical Thought*, 2, 34–48. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.2.69896 (in Russ.).
16. Frege, G. (2020). *Logic and Logical Semantics*. Moscow: LIBROKOM publ. (in Russ.).
 17. Mikhailov, I. F. (2015). *Man, Consciousness, Networks*. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences publ. (in Russ.).
 18. Kaufman, S. B. (2011). Intelligence and the Cognitive Unconscious. In: *The Cambridge Handbook of Intelligence*. Cambridge: Cambridge University Press publ., pp. 442–467.
 19. Nagl, L. (2022). Digital Technologies: Reflections on the Difference between Instrumental Rationality and Practical Reason. In: *Kantian Journal*, 41 (1), 60–88. DOI: 10.5922/0207-6918-2022-1-3 (in Russ.).
 20. Gasparyan, D. E. (2020). Phenomenology without a Transcendental Subject: Neurophenomenology and Enactivism in Search of a First-Person Perspective. In: *Philosophical Journal*, 13 (1), 80–96. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-1-80-96 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Желнин Антон Игоревич (г. Пермь) – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета;
e-mail: zhelnin@psu.ru; ORCID: 0000-0002-6368-1363

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton I. Zhelnin (Perm) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Professor, Department of Philosophy, Perm State National Research University;
e-mail: zhelnin@psu.ru; ORCID: 0000-0002-6368-1363